

Формирование фондов Кунсткамеры и Вторая Камчатская экспедиция: к документальной реконструкции коллекций

Одной из задач так называемого академического отряда Второй Камчатской экспедиции был сбор материалов для Кунсткамеры. Будущие экспонаты академического музея должны были быть не только выставлены для обозрения, но и пригодны для изучения. Участники экспедиции блестяще справились с поставленной задачей. Академические профессора, находившиеся в экспедиции, были подготовлены к сбору материалов. Г.Ф. Миллер и И.Г. Гмелин хорошо знали состав коллекций петербургского музея. Первый в марте 1727 г. был секретарем созданной Академией наук комиссии для проверки вещей, привезенных Д.Г. Мессершмидтом из Сибири. Г.Ф. Миллер вел протоколы комиссии, а значит, был досконально знаком с составом собраний и их описаниями. И.Г. Гмелину по прибытии его в начале 1728 г. в Петербург президентом Академии было поручено «в кунст каморе находящиеся руды в порядок привести» и помогать профессору ботаники И.Х. Буксбауму (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 786. Л. 278). Г.Ф. Миллер вообще рассматривал собираемый экспедицией материал как источник по истории Российской империи, о чем он писал в первом выпуске журнала «Sammlung russischer Geschichte» в 1732 г.

Отправившиеся в Сибирь петербургские ученые присылали в Академию наук и в Кунсткамеру ящики с минералами и рудами, этнографические и археологические собрания, рисунки животных, рыб, птиц, а также их чучела, растения и семена. По свидетельству ученого шведа Карла Рейнхольда Берка, изучавшего древности, с конца 1735 по май 1736 г. жившего в Петербурге, узнаем, что уже к этому времени Кунсткамера значительно пополнилась новыми экспонатами, присланными из Сибири участниками экспедиции. В воспоминаниях К.Р. Берк писал, что в Петербург присылались копии журналов ежедневной работы; «древности и натуралии, поддающиеся перевозке»; живописцы зарисовывали растения и животных, «которые в естественном состоянии не могут быть присланы из этих татарских стран», и рисунки отправлялись в Академию наук. Однажды Берк стал очевидцем вскрытия присланных из экспедиции тюков и «видел много хорошо набитых маленьких птичек и четвероногих зверей; всевозможные фигуры, медные и железные, а также орудия, найденные в курганах; различных богов, которым еще поклоняются язычники в тех уголках страны. Боги представляют собой лица из дерева или меди, другие же — просто из черной овечьей шкуры, растянутой на толстом войлоке, с синими жемчужинами, вшитыми вместо глаз, и с выстриженной на голове шерстью для придания какого-то сходства с лицом. Красивейшими были несколько собраний фигур с китайской границы, выточенных из прекрасного прозрачного камня. Среди одежд самыми странными мне показались мантии нескольких

колдунов и колдуний из невыделанных кож, со множеством вшитых ремешков, свисающих на спине и рукавах (почти как лакейские шнуры), и кусочков железа и латуни, привязанных к ним; последние производят ужасный шум. Много подобных свисающих ремешков также на головных уборах <...> относящиеся к ним барабаны» [Беспятых 1997: 184]. По свидетельству того же К.Р. Берка, полученные вещи сразу систематизировались и располагались «по классам в кабинете искусственных и естественных произведений».

Значение Второй Камчатской экспедиции в деле собирания коллекций для научных изысканий и для академического музея неоднократно отмечалось в многочисленных исследованиях. Однако документально подтвержденной реконструкции полученных от участников экспедиции экспонатов до сих пор не произведено. Рассмотрим круг источников, которые позволяют такую реконструкцию выполнить. К ним мы относим сопроводительные и итоговые реестры присланных и привезенных предметов и рисунков; документы делопроизводства Конференции и Канцелярии Академии; каталоги академического музея; опубликованные и неопубликованные труды Г.Ф. Миллера, И.Г. Гмелина, И.Э. Фишера, Г. Штеллера, С.П. Крашенинникова; переписка их с Академией наук; рисунки, присланные и привезенные из экспедиции, а также рисунки предметов Кунсткамеры, или так называемый «нарисованный музей». При изучении документов важно иметь в виду то, что не все, что присылалось или было привезено участниками экспедиции, поступило в музей, а также то, что все перечисленные источники необходимо рассматривать в их совокупности и в сравнении друг с другом. В настоящей работе мы дадим краткую характеристику перечисленных видов документов.

1. Реестры, которые сопровождали присылаемые в Сенат и Академию наук коллекции, и итоговые реестры, составленные по прибытии участников экспедиции в Петербург.

Сопроводительные списки составлялись ко всем отправляемым в Сенат и Академию посылкам начиная с первых десятков километров путешествия. Рассмотрим один из итоговых реестров, составленный И.Г. Гmeliным и Г.Ф. Миллером в 1746 г., — «Реестр, что от нас, нижеименованных академии наук профессоров, в бытность нашу в Сибири каких рапортов, и доношений, и описаний, и всяких вещей в правительствующий сенат и в академию наук отправлено, и что с нами в Санкт-Петербург привезено и в академию отдано, и что еще при нас находится» (опубликован в: [Материалы для истории 1895.: 194–212]; СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 121. Л. 130–140). Документ дает информацию о составе отправленных в Петербург экспонатов, которые мы разделим на этнографические, археологические, зоологические, ботанические и минералогические; дате и месте отправки коллекций, собирателе; форме упаковки.

Из реестра 1746 г. следует, что участниками экспедиции были выполнены 29 отправок и дважды привезенные вещи сдавались уже в Петербурге в феврале и мае 1743 г. Первая посылка была отправлена 21 сентября 1733 г. из Твери. Это были высушенные травы, собранные И.Г. Гmeliным. Последняя,

из Тобольска 2 января 1741 г., включала этнографические предметы («иноземческое платье и прочие до описания народов принадлежащие вещи с Камчатки от Крашенинникова (с реестром); ящики 2 с иноземским и прочими до описания народов принадлежащими вещами с Камчатки); ботанические коллекции (травы и семена от Штеллера (с реестром), ящик с травами, семенами, кореньями (вместе с минералами); зоологическое собрание (2 ящика и коробка с чучелами птиц и зверей, 2 ящика с чучелами зверей, птиц и рыб с Камчатки); минералогические образцы (ящик с минералами и еще 2 ящика с рудами и минералами)». С 18 по 26 февраля 1743 г. в Петербурге Гмелиным и Миллером «отдано для Кунсткамеры, привезенных с собой, немалое число натуральных вещей, касающихся до описания народов, древности». 11 мая 1743 г. в Академию наук поступили «древности (с реестром)», «платье сибирских народов и прочие вещи (с реестром)», «ящик с чучелами птиц», «бочка с рыбами в вине», «кость неизвестного зверя». Со списками посылались все ящики, тюки, пакеты, бочки. Если мы обратимся к тем реестрам, на которые ссылаются академические профессора в документе 1746 г., сравним их с делопроизводственными документами Академии наук, то получим довольно ясную картину того, что посылалось и что было получено. Так, 2 января 1735 г. из Енисейска были отправлены рисунки археологических находок, а также два татарских бубна, «особливо увязанные». В 1736 г. вещи и рисунки были в Академии наук: на присланном реестре есть отметка о получении его академической Конференцией 29 мая 1736 г. Это те рисунки, которые сохранились и находятся ныне в СПФ АРАН в фонде Г.Ф. Миллера. 6 декабря 1735 г. из Иркутска профессор Миллер отправил в Сенат в числе прочего «ящик с шаманским платьем и бубнами и с прочими вещами» и реестр посылаемого. Среди архивных документов находим этот реестр: «Реестр различному шаманскому платью, бубнам и иным вещам, которые профессор Миллер в разных местах Сибири в 1735 году собрал и для Императорской Кунсткамеры в Высокоправительствующий Сенат посылает, на 1 листе». Реестр **этот называется «Catalogus rerum idololatricarum, quas in itinere Sibirico A. CDDCCXXXV collegit, et in ornamentum musei Imperatorii ad Supremum Imperii Senatam mittit Gerardus Fridericus Müller»**. Список включает 24 предмета (СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 175. Л. 7–8). Подобные реестры-каталоги позволяют восстановить перечень всех коллекций и отдельных предметов с количественными показателями, присланных и привезенных в Академию наук участниками Второй Камчатской экспедиции.

2. Документы текущего делопроизводства Конференции и Канцелярии Академии также являются важным источником для реконструкции коллекций, поступивших от участников экспедиции. В них мы находим свидетельства поступления присланных вещей непосредственно в Кунсткамеру. Для подтверждения приведем несколько примеров. Так, из академических документов узнаем, что Правительственный Сенат слушал о рапорте профессоров, отправленном 21 сентября 1733 г. из Твери, с которым получены были не только описания разных трав, к которым приложены рисунки, но и травы, которые «на-

клеены на бумагу» [Материалы для истории 1886: 394]. 9 ноября 1741 г. в делах Канцелярии «записано, что профессор Миллер прислал два ящика: в первом остякая шуба, татарские женские штаны, кабаргинская кожа — «означенные вещи отдать на сохранение в кунсткамеру, которая велеть записать в каталог» [Материалы для истории 1887: 752]. 14 июня 1743 г. в Академии рассматривалось дело о сбережении в Академической Кунсткамере «разных курioзных Сибирских и камчатских вещей — рыб, зверей, птиц и пр.» (СПФ АРАН. Ф.3. Оп. 1. Д. 78. Л. 131–136). Таких документов в делах Академической канцелярии довольно много.

3. Третий источник, на который необходимо обратить внимание, это музейный каталог — *Musei imperialis Petropolitani*. Однако ссылки на источники поступления экспонатов найдем лишь в описании естественнонаучного собрания. Так, в аннотациях к описаниям четвероногих, птиц довольно часты ссылки на И.Г. Гмелина.

4. Опубликованные и неопубликованные рапорты и труды участников экспедиции, их письма дают картину условий, в которых проводились исследования, подробности сбора экспонатов, позволяют узнать имена тех, кто помогал академическим профессорам в сборе коллекций. Так, об уже упомянутом сборе растений И.Г. Гmeliным в его рапорте от 21 сентября 1733 г. читаем: «Понеже путь, ради весьма худых дорог и ради всегда противного ветру, по реке Волхову очень тихо производился, то доктор Гмелин имел способный случай, гуляючи подле колясок и по берегу реки Волхова, в ботанике разные обсервации делать <...> различные травы срисовать велел» [Материалы для истории 1886: 385]. О пути от Твери к Казани в рапорте от 8 декабря 1733 г. сообщено, что плыли по Волге по течению, быстро, так что Гмелин не успевал собирать травы: «Однакож нашел он в нескольких верстах выше и ниже Мологи, по правую сторону Волги на берегу, много особливого вида камней, который «белемнитея», а от тамошних жителей «чортовы пальцы» и «корнуа аммонис» называются» [Там же: 399]. Камни были описаны, срисованы, а лучшие из них велено было «в императорскую кунст-камору отослать» [Там же: 400]. 7 января 1733 г. на имя президента Академии наук было получено письмо вместе с пакетом, в котором находились те самые на берегу Волги собранные Гmeliным фигурные камни. Камни были принесены в академическую конференцию, а потом переданы в Кунсткамеру [Там же: 431]. Этот пример показывает, как по документам можно проследить путь музейного экспоната от его находки до поступления в Кунсткамеру. На описания путешествия, сделанные Миллером и Гmeliным, обратил внимание при изучении «сибирских древностей» В.В. Радлов, опубликовав извлечения «Из Миллерова рукописного описания сибирского путешествия с дополнениями из печатного издания путешествия Гmeliна». При изучении рапортов и писем участников Камчатской экспедиции нельзя обойтись без изданий серии «Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven», которые осуществляет В. Хинцше в Галле.

5. В Инструкции, данной Академией наук участникам экспедиции, особо оговаривался пункт об обязанностях художников: «Отправляющийся <...> жи-

вописец должен все от профессоров ему данные вещи, сколько возможно, в натуральной величине изображать, а ежели того учинить невозможно будет, то хотя меру подлинной величины при своих рисунках приписывать» (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2331. Л. 6 об.). В экспедицию были отправлены художники И. Бергхан и И. Люрсениус. Во всех реестрах рисунки оговаривались особо, как самостоятельные документы наряду с посылаемыми вещами. Рисунки фиксировали весь спектр научных интересов участников экспедиции. Как и собранные вещи, их можно разделить на археологические, нумизматические, этнографические, ботанические, зоологические, минералогические. Особо следует отметить планы и проспекты городов, выполненные в основном художником Люрсениусом. Рисунки хранились в Кунсткамере как особый экспонат, о чем свидетельствует коллекция с условным названием «Нарисованный музей», которая была описана в латинском каталоге музея. Но рисунки могут рассматриваться и как источник по изучению музейных вещей Второй Камчатской экспедиции, особенно с учетом пожара 1747 г., когда часть коллекций, например этнографических, погибла. Надо отметить, что частично пострадали в пожаре и экспедиционные рисунки. Из рапорта художника Бергхана, составленного сразу после пожара, узнаем, что спасено из Рисовальной палаты во время пожара 237 рисунков: 93 рисунка трав, 21 рисунок рыб, 14 рисунков птиц, 4 рисунка зверей, 9 рисунков грибов, 30 рисунков разных сибирских народов, «деланных красками» (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 112). Сгорели находившиеся в Рисовальной палате у Андрея Грекова пять оригинальных рисунков сибирских трав и 30 сделанных с них копий. Для реконструкции богатейшей ботанической коллекции, собранной в ходе Второй Камчатской экспедиции, необходимо учитывать и рисунки к книге И.Г. Гмелина «Flora Sibirica». Сопоставляя экспедиционные рисунки с акварелями «Нарисованного музея», выполненными в Петербурге чаще всего учениками Рисовальной или Гравировальной палат, можно найти изображенные на них одни и те же предметы. Качество рисунка, выполненного в полевых условиях, бывает ниже. «Кунсткамерский» акварельный рисунок часто позволяет нам увидеть те детали предмета, которые не видны на рисунке, присланном из экспедиции.

Каким образом перечисленные источники позволяют восстановить историю не только коллекций, но и отдельных предметов, показывает следующий пример. В «Сибирских древностях» В.В. Радлов писал о фигурке оленя («маральчике»), которую Миллер отправил из Сибири в Кунсткамеру. «В настоящее время, — писал Радлов, — у маральчика недостает рогов и потому прилагаемый [в статье] политипаж <...> сделан со старинного рисунка». Отметим, что рисунок этот был выполнен И. Люрсениусом. А в документах Академической канцелярии находим следующие подробности приобретения этой фигурки и поступления ее в Кунсткамеру: присланный из сибирской губернии в Сенат «серебряный маральчик, взятый по письму профессора Миллера у капитана Башмакова, найденный енисейскаго полку капралом Иваном Бундиным с солдатами, близ реки Бахмарты, на Бугровой осыпи, весом в три четверти фунта,

у которого рожки, спинка и копытца вызолочены были, отослать в академию наук...» [Материалы для истории 1886: 827].

Библиография

- Musei imperialis Petropolitani. Vol. 1—2. SPb., 1741—1745.
Беспятых Ю.Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997.
Материалы для истории Императорской Академии наук. СПб., 1886. Т. 2; СПб., 1887. Т. 4; СПб., 1895. Т. 8.
Радлов В.В. Сибирские древности. СПб., 1888—1894. Т. 1. Материалы по археологии России, издаваемые Императорской археологической комиссией.

С. А. Корсун

Перспективы исследований по истории и этнографии Русской Америки

В 2010 г. состоялись две международные конференции, посвященные изучению истории и этнографии Русской Америки. В августе в городе Ситке на Аляске прошла «IV Международная конференция “Русская Америка”» и в октябре в городе Вологде — «Русский Север в истории российско-американских отношений». Во время работы обеих конференций ставился вопрос о дальнейших перспективах по изучению истории и этнографии Русской Америки. В связи с большой актуальностью этого направления научной работы хочется высказать несколько соображений о перспективах этой работы.

Каждый исследователь — историк или этнограф — занимается тем направлением науки, где он может добиться наибольших результатов и реализовать свои научные планы. Во многом выбор темы научных исследований зависит от интереса конкретного ученого и направления научной деятельности учреждения, в котором он работает. В то же время в любой отрасли науки существуют направления, для разработки которых необходимы междисциплинарные исследования или сотрудничество нескольких научных учреждений. Наиболее яркий пример такого сотрудничества в МАЭ — проведение международных выставок с участием других научных учреждений.

В рамках данного сообщения остановимся на возможных проектах, для реализации которых необходимо участие нескольких научных учреждений или междисциплинарные исследования. Прежде всего речь идет об издании иллюстративных альбомов как конечного итога конкретной работы.

Кроме МАЭ этнографические коллекции по народам Русской Америки находятся на хранении в пятнадцати музеях России. В Санкт-Петербурге это Центральный военно-морской музей, Российский этнографический музей, Государственный Эрмитаж, Государственный музей истории религии. В Москве — Музей антропологии имени Д.Н. Анучина, Государственный истори-